

Мелочи жизни.

Об Императоре Вильгельме ходить анекдоты.

Однажды, подписав какую то бумагу, император спросил у часов:

— Знаете ли вы, что это значит?

И указал на надпись «Wilhelm II. I. R. (Вильгельм II—Император—Рейх).»

Солдат не знал, что это значит:

— Это, кажется, величественно. Это значит: Wilhelm II., императер (постоянно говорят).

Невольно вспоминается этот искромет, который оказался «секретным анекдотом».

И, действительно, этот «человек, который говорит», своим речами будоражил Европу.

Чтобы канцлер просил его:

— Ваше величество, не говорите.

— Но могу! Не могу молчать.

В газетах передавалось, что походы начались.

Император будет говорить, но по запискам, составленным канцлером.

Приведены записи. И взысканной по-

литикой.

Слово раза позура.

Речи по цензурованному экземпляру.

Цыгане калмыки будут сочинять речи.

Такие речи будут работать над речами, за-

то император один будет их производить.

Реческость удивительна!

Образцы канцелярии.

Недавно, газеты обожали курьезное изобретение. По какому-то виду, можно снять один из сенаторов.

— Оставайтесь здесь без разсмотрения.

— Почему? — спросил его.

— Для вас убийств.

На вид саму убийцу.

После этого формальными применили.

Не знаю, откуда или из чего на свет не было?

Теперь читают еще:

— Земской начальник Могилевского уезда вызывает свидетелей по какому-то духовному заявлению.

И оттуда пишут в самому прокурору.

Но здесь же добавляет:

— Язык неизвестный.

Захочет посыпаться — может смыться, не за-

хотеть неизвестного.

Любопытно знать, доставила ли покойную покойника и опровергнула его, если она не является?

Незнамоемка.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬБЕТОН.

НОВЫЙ РАСКАЗ ОЧЕВИДЦА СМЕРТИ ПУШКИНА.

Весьма любопытно письмо Жуковского из отца Пушкина, в котором описаны последние часы великого поэта. «Тихо, скромно удалилась душа его, разсыпавшись Жуковский. «Мы должны были видеть, какая смерть произошла. В письмах Туранцева сохранились замечательные подробности о последних часах поэта и его погребении; сохранился настоящий протокол смерти Пушкина, глубоко трогательный, приносивший драматический в прости рассказ.

На другой день послал Туранцев письмо:

«11 часов утра. Из квартиры Пушкина, она не умерла. В 5 часах начались страдания, она кричала; но было утешительно, да и она меньше страдала и тиха... Пушкин со всеми нам прощается; жмет руку и потом даёт знать выйти. Мне два раза показалась рука, взглянула, но в сию минуту склонилась лицом вправо. Стражи пришли, а я спешно сказала ей: «Скажи, скоро ли это кончина?» Она в последних минутах сказала и начинала говорить беззмянную. Слушая, что Карамзин здесь же просил сказывать ей о своём сыне, я сказала ей: «Послушайте историю, я скажу хочу!» — сказала она сейчас в два часа пополудни...»

«3-й час пополудни. Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Жуковский также прописал:

«Узнав, что Карамзин здесь же просил сказывать ей о своём сыне, я сказала ей: «Послушайте историю, я скажу хочу!» — сказала она сейчас в два часа пополудни...»

«Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота! Ему нахвали рука на руку; она спросила: «Ну, что — кончено?» Да и отвечал: «Кончено!»

Пушкин умер. Грудь поднималась. Онконастичность тела ходолисть; но он в памяти... Сию минуту я входила в спальню, видела, ссыпалась какая она красота